

Н. А. БЕРДЯЕВ

Основная идея Вл. Соловьева

Все более или менее признают, что Вл. Соловьев был величайшим русским мыслителем. Но в современном поколении нет благодарности к его духовному подвигу, нет понимания и почитания его духовного образа. Да и нужно признать, что образ Вл. Соловьева остается загадочным. Он не столько раскрывал себя в своей философии, богословии и публицистике, сколько прикрывал противоречия своего духа. Есть Вл. Соловьев дневной и ночной. И противоречия Соловьева ночного лишь по внешности примирались в сознании Соловьева дневного. Про Вл. Соловьева с одинаковым правом можно сказать, что он был мистик и рационалист, православный и католик, церковный человек и свободный гностик, консерватор и либерал. Противоположные направления считают его своим. Но он был в жизни и оставался после смерти одиноким и непонятым. Вл. Соловьев был универсальный ум, и он стремился преодолеть противоречия в конкретном всеединстве. Творчество его богато идеями и охватывает большое многообразие проблем. Но была одна центральная идея всей жизни Вл. Соловьева, с которой был связан его пафос и его своеобразное понимание христианства. С ней связана его ночная мистика и поэзия и его дневная философия и публицистика. Это была идея богочеловечества. Вл. Соловьев был прежде всего и больше всего защитник человека и человечества. Все своеобразие христианского дела жизни Вл. Соловьева нужно искать в том, что он вернулся к вере отцов и стал защитником христианства после гуманистического опыта новой истории, после самоутверждения человеческой свободы в знании, в творчестве, в общественном строительстве. Он воспринял в собственную глубину этот опыт и, преодолев его злые плоды, ввел пережитое в свое христианское

миропонимание. Для него свобода и активность человека есть неотъемлемая часть христианства. Христианство для него религия богочеловечества, он предполагает не только веру в Бога, но и веру в человека. Он вносит в христианство принцип развития и прогресса, он защищает свободу ума, свободу совести не менее славянофилов, и этим он отличался от католичества. Сущность христианства он видит в свободном соединении в богочеловечестве двух природ, божеской и человеческой. Человек есть связующее звено между божественным и природным миром. В творчестве Вл. Соловьева было несколько периодов, и необходимо различать их, чтобы понять сложность его мировоззрения. Но во все периоды в центре стоял для него вопрос об активном выражении человеческого начала в богочеловечестве. Первый период, к которому относятся «Чтения о Богочеловечестве», характеризуется крайне оптимистическим взглядом на мировую историю и на пути осуществления вселенской теократии. Вл. Соловьев не видит трагизма мировой истории и верит в осуществление Царства Божьего путем прогрессивной эволюции. Он исходит из кризиса современной безбожной цивилизации, из кризиса позитивизма, который она породила в сознании, и кризиса социализма, который она породила в жизни общественной. Он хочет религиозно преодолеть этот кризис и видит преодоление его в свободной теократии. Но вместе с тем Вл. Соловьев признает положительное значение за отпадением природных человеческих сил от Бога, ибо после отпадения делается возможным *свободное* соединение человека с Богом. Царство Божие не может быть осуществлено путем принуждения и насилия. Принудительная теократия должна была пасть, и человек должен был вступить на путь свободного раскрытия своих сил. Вл. Соловьев думает, что мир должен пройти через свободу и свободно прийти к Богу. Вл. Соловьев сам прошел через школу германского идеализма, который был школой свободы мысли и который имел такое же значение для русской религиозной мысли, какое имела некогда греческая философия, особенно платонизм, для восточной патристики.

Вл. Соловьев всегда понимал христианство не только как данность, но и как *задание*, обращенное к человеческой свободе и активности. В этом его великая заслуга. Дело Христово в мире есть прежде всего любовь. И дела любви, по соловьевскому сознанию, нужны не для оправдания делами или верой, а для осуществления Царства Божьего. «Человечество, — пишет он, — должно не только *принимать* благодать и истину, данную во Христе, но и *осуществлять* эту благодать и истину в

своей собственной и исторической жизни». «Совершение Церкви или создание христианской культуры в мире требует, кроме руководства вселенской власти, также свободного действия личных человеческих сил». В богочеловечестве коллективно должно произойти такое же соединение двух природ, какое индивидуально произошло в Богочеловеке-Христе. Согласно своей первоначальной схеме, Соловьев думал, что богочеловечество явится в результате соединения божественного начала, преимущественно выраженного на Востоке, с человеческим началом, преимущественно выраженным на Западе. Это он утверждал, когда был еще близко к славянофильству. Симпатии Вл. Соловьева к католицизму определялись его убеждением, что организованная человеческая активность сильнее в католицизме, а православие слишком пассивно. Эти католические симпатии определялись у него извне, а не изнутри самой догматической системы католицизма. Соловьев дорожил идеей догматического развития Церкви, в котором он видел проявление человеческой действительности, и видел больше такого развития на Западе, чем на Востоке. В этой идее догматического развития Вл. Соловьев сходиллся с кардиналом Ньюменом, самой замечательной католической индивидуальностью XIX века¹. «Существенное и коренное отличие нашей религии от других восточных, — пишет Вл. Соловьев, — в особенности от мусульманской, состоит в том, что христианство, как религия богочеловеческая, предполагает действие Божие и вместе с тем требует и действия человеческого. С этой стороны осуществление Царства Божьего зависит не только от Бога, но и от нас, ибо ясно, что духовное перерождение человечества не может произойти помимо самого человечества, не может быть только внешним фактом; оно есть *дело*, на нас возложенное, *задача*, которую мы должны разрешить».

Вл. Соловьев верил в человечество как реальное существо. С этим связана самая интимная сторона его религиозной философии, его учение о Софии. София есть прежде всего для него идеальное, совершенное человечество. Человечество есть центр бытия мира. И София есть душа мира. София, душа мира, человечество, есть двойное по своей природе: вещество божественное и тварное. Нет резкого разделения между естественным и сверхъестественным, как в католической теологии, в томизме. Человечество вкоренено в Божьем мире. И каждый отдельный человек вкоренен в универсальном, небесном человеке, в Адаме Кадмоне Каббалы². Софийная мировая душа свободна. Она предмирно и предвременно отпала от Бога и свобод-

но должна вернуться к Богу. Бог есть абсолютно сущее. Человечество, которое во Христе и через Христа становится богочеловечеством, есть абсолютно становящееся. Явление Христа есть явление Нового Адама, нового духовного человека, есть новый день творения, антропологический и космогонический процесс. Вл. Соловьев совершенно чужд судебному пониманию искупления, которое играет такую роль в официальной католической теологии. В понимании искупления он ближе восточной патристике, чем западной. До Христа мировой процесс шел к явлению Богочеловека. После мировой процесс идет к явлению богочеловечества. И в понимание явления Богочеловека, и в понимание явления богочеловечества Вл. Соловьев вносит эволюционный принцип. Ряд теофаний, богоявлений подготавливали явление Богочеловека. Оплодотворение божественной матери Церкви человеческим началом должно породить обоженное человечество. Идея боговоплощения всегда преобладала у Вл. Соловьева над идеей искупления. Вл. Соловьев никогда не понимал христианства как исключительно религию личного спасения, а всегда понимал его как религию преобразования мира, религию социальную и космическую. Церковь не есть *только* богочеловеческая основа спасения для *отдельных* людей, но и богочеловеческое домостроительство для спасения *«всего мира»*. Вл. Соловьев придавал огромное значение еврейству именно потому, что в нем выражена активность личного человеческого начала, что религиозная жизнь в нем есть драма между человеком и Богом.

С религиозным утверждением человеческого начала связано у Вл. Соловьева его понимание *пророческого* служения, свободного пророчествования, без которого нет для него полноты христианской жизни. Соловьевская концепция теократии предполагает существование пророка и пророческого служения. Пророческая функция в духовной жизни и есть свободное духовное творчество. Пророк есть боговдохновенный человек, и его пророческое служение есть свободное вдохновение, без которого религиозная жизнь костенеет. Священство есть консервативная основа религиозной жизни, оно есть вечная основа жизни Церкви. Пророчество же есть начало творческое, начало движения, оно обращено к грядущему. Тема о том, что в христианстве возможно пророчество, — интимная тема всей духовной жизни Вл. Соловьева. Он сознавал себя призванным к свободному пророчествованию. Он одинок и не понят, потому что несет пророческое служение. Пророк всегда одинок, всегда находится в конфликте с религиозным коллективом. В последней

глубине пророк пребывает в Церкви и соборности. Но он есть орган творческого развития в Церкви и потому проходит через разрыв с застывшими формами коллективной церковной жизни. Он обращен к еще неведомому грядущему. Догматическое развитие Церкви связано с пророческой функцией церковной жизни.

В прогрессе Вл. Соловьев видит христианское начало, противоположное китаизму. В статье «Об упадке средневекового мирозерцания»³, которая в свое время наделала много шума и вызвала резкие нападения против Соловьева, он изобличает полуязыческий характер средневекового христианства и видит в прогрессе гуманности, в общественных реформах, осуществляющих большую социальную правду и справедливость, осуществление христианских начал, хотя и не осознанных. Вл. Соловьев всегда требовал, чтобы христианство было до конца принято всерьез и осуществлялось во всей полноте жизни, личной и общественной. Это основной мотив, которому он оставался верен всю жизнь. Он никогда не мог примириться с тем, что христиане считают возможным для личной жизни руководствоваться христианскими началами и заповедями, а для жизни общественной и исторической руководствоваться началами, прямо противоположными христианству, началами зоологическими. Он проповедует ту бесспорную истину христианской морали, что христиане прежде всего должны стремиться к тому, чтобы самим быть лучше и осуществлять заповеди Христа, а не ненавидеть и преследовать нехристиан. Эту христианскую истину он применяет к решению еврейского вопроса. Христиане прежде всего должны по-христиански относиться к евреям и давать им пример осуществления христианства в жизни. Уже в первый период своей литературной деятельности Вл. Соловьев пишет статью «Идея человечества у Ог. Конта»⁴, в которой он вновь настаивает на своей исконной мысли, что человечество есть половина богочеловечества и что почитание человечества есть часть христианской религии. Он сближает культ Высшего Существа-Человечества у Ог. Конта с культом Мадонны и с культом Софии у русского народа, отразившемся в нашей иконописи. Грех Ог. Конта был грех против Сына Человеческого, который простится, а не против Духа Святого, который не простится. «Когда полномочные представители христианства сосредоточат свое внимание на том, что наша религия есть прежде всего и по преимуществу религия богочеловеческая, и что *человечество* есть не придаток какой-нибудь, а существенная, образующая половина *богочеловечества*, тогда

они решатся исключить из своего исторического пантеона кое-что бесчеловечное, что туда случайно попало за столько веков, и внести вместо того немного побольше человеческого». И Соловьев предлагает внести в христианский пантеон имя О. Конта. Есть большая правда в основной мысли Соловьева. Но он не замечает, что если человечество есть половина богочеловечества, то культ человечества, оторванный от Бога и направленный против Бога, есть не половина богочеловечества, а религия, противоположная христианству.

Вл. Соловьев был своеобразным христианским гуманистом. Христианство, как религия богочеловеческая, безмерно выше гуманизма, но гуманизм все же выше бестиализма. Многие же христиане в жизни общественной защищают бестиализм, политику зоологическую. С этим Вл. Соловьев всю жизнь боролся и в этой борьбе иногда упрощал сложность проблемы. Он не был свободен от иллюзий прогресса, недооценивал силу зла в мире и слишком эволюционно представлял себе осуществление Царства Божьего. Но когда мы представляем себе осуществление теократии как результат необходимого развития, мы отвергаем свободу человека, которая может производить не только добро, но и зло. Соловьевская вселенская теократия есть чистейшая утопия, которая в последний период его жизни потерпела крушение в его сознании. Он изверился в свою теократическую концепцию и перестал быть оптимистом. Под конец жизни Вл. Соловьев пишет гениальнейшее свое произведение «Повесть об Антихристе»⁵. В этой повести историческая перспектива исчезает, стираются грани между двумя мирами и все представляется в апокалиптическом свете. Эсхатологическое понимание христианства сменяет понимание историческое. В исторические задачи Вл. Соловьев больше не верит и не ждет осуществления теократии в истории. Слишком большой оптимизм сменяется слишком большим пессимизмом. Образ антиантихриста представляется Соловьеву как образ филантропа, человеколюбца, осуществителя социализма, всеобщего мира и счастья человечества. Черта, родственная с Великим Инквизитом Достоевского: Вл. Соловьев видит нарастание зла под видом добра, зла, соблазняющего добром. Власть окончательно переходит к антихристу. Соединение Церквей происходит за границами истории, в конце времени, в плане апокалиптическом. Православный старец Иоанн первый распознает антихриста, и этим утверждается особенная мистическая чуткость в православии.

Все дело жизни Вл. Соловьева ставит мучительную проблему перед христианским сознанием. Христиане должны всеми

силами духа осуществлять правду Христову в мире, не только в жизни личной, но и в жизни общественной, должны стремиться к Царству Божьему не только на небе, но и на земле, и царство Божие на земле легко может оказаться обманом и подменой, царством антихриста, соблазном под видом добра. Ведь и коммунизм соблазняет кажущимся стремлением к осуществлению социальной правды, но он является обезьяной и оборотнем христианской правды, делом антихриста. Новое время как будто не создало ересей, подобных ересям первых веков христианства, оно было равнодушно к вопросам догматическим. И все-таки оно создало одну великую ересь, ересь *гуманизма*, которая возможна лишь внутри христианского мира, ересь религиозной антропологии. Все ереси оставили какую-нибудь важную и в церковном сознании не разрешенную проблему, хотя и давали ложный ответ на эту проблему, и ереси всегда вызывали творческое движение церковной мысли, в котором проблемы находили положительное разрешение. Правда о человеке и его творческом призвании в мире еще не была раскрыта до конца в христианстве, и это вызвало свободное самоутверждение человека в новой истории. Это также есть вопрос о христианской культуре и христианском обществе. Вл. Соловьев очень много сделал для постановки религиозного вопроса о человеке и человечестве, хотя не всегда верно его решал. Он был одним из тех, которые верили в пророческую сторону христианства, и уготовил положительное разрешение проблемы религиозной антропологии.

И когда настанет час церковного разрешения этой проблемы церковного одоления гуманизма изнутри, а не извне, о Вл. Соловьеве вспомнят иначе, чем сейчас о нем вспоминают, и он будет признан великим деятелем на путях восполнения и свершения Церкви Христовой.

